

ТЕАТР

„АИДА“

Опера Д. Верди
на сцене Кыргызского
академического театра
оперы и балета

Дело большого культурно-эстетического значения осуществлено нашим театром: впервые в Киргизстане идет «Аида», одна из лучших классических опер мирового репертуара. Почти сто лет совершает эта опера начатое в Канре и Милане триумфальное шествие по сценам мира, и сегодня она поставлена близ гор Тянь-Шаня, в столице Советской Киргизии. Таков еще один факт культурной жизни нашей республики — факт, значение которого, если вдуматься, трудно переоценить.

Высокий гуманизм, страстное человеколюбие свойственны этой опере Верди едва ли не более, чем всем другим ее созданиям. На первый взгляд «Аида» — опера о горестной истории влюбленных, которым условия жизни мешают соединить свои судьбы. Да, о высоком чувстве любви музыка Верди говорит с редким драматизмом, личностью и силой. Но не только о любви египетского военачальника Радамеса и кной эфиопской плеяницы Аиды повелел нам великий maestro. Музыкальная драматургия «Аиды» полна многих высоких мыслей и образов, она провозглашает протестом против всего, что сковывает, подавляет человека, против розни между людьми разных стран и наций, против войны, жестокости и мрака религии.

В большом творческом труде коллектива нашего театра одержан ряд значительных побед. Они позволяют сказать, что «Аида» — важная веха в истории молодого театра, спектакль, как принято говорить, эталонный.

Опера — искусство сложное, вбирающее в себя многие виды художественного творчества. «Аида» такова в особенности: здесь и развитые ансамбли и хоры, развернутые массовые сцены, торжественные пестива, балеты, размах масштабных архитектурных декораций, духовой оркестр на сцене — все, что зовется «большой оперой» с ее постановочным великолепием. И все это Верди соединяет с глубоким психологизмом драматического повествования о судьбах людей. В заслуга театра (дирижер спектакля А. Джумахматов, режиссеры — В. Шахрай и В. Васильев, художник А. Арефьев, хормейстеры — С. Юсупов и Н. Штерн, балетмейстер Э. Мадемидова) прежде всего, в том, что он сумел объединить и направить к общей цели усилия музыкантов и художников, режиссеров и вокалистов, всего большого коллектива участников спектакля, и создал впечатляющий, яркий и значительный образ спектакля в целом, значительное музыкально-сценическое произведение, которое волнует и запоминается.

Высокий профессиональный уровень отличает музыкальную часть спектакля. Оркестр провел большую работу по освоению редкого богатства, красоты и сложности партитуры и сумел бережно донести до слушателя прекрасную музыку оперы. Молодой дирижер А. Джумахматов проявил себя, как опытный музыкальный руководитель этого сложного спектакля. Он ведет его уверенно, с большим темпераментом, стремится раскрыть все многообразие музыкально-вокальных средств твор-

ния Верди. Нельзя не отметить большой труд концертмейстеров оркестра, его солистов (К. Айтыгулова, М. Дубровина, Г. Конопко, В. Некрылова, А. Сентченко и других).

Очень радует большой успех молодой певицы, выпускницы нашего музыкального училища О. Мартиросовой в главной роли.

Партия Аиды сложна и в вокальном, и в драматическом отношении. Она требует от исполнительницы сценической свободы, глубокой внутренней оправданности каждого жеста, каждого движения. Необходимы свободное владение дыханием, хорошие технические данные, тонкость фразировки.

О. Мартиросова хорошо справилась с трудными задачами. Приятного тембра голос артистки богат интонациями; хороша ее дикция. Технические сложности партии преодолеваются свободно и непринужденно. Артистка увлечена ролью и увлекает зрителя простотой и естественностью передачи сложных чувств своей героини; всю партию проводит она с большой свободой и теплотой. Аида Мартиросова — обаятельный, глубоко страдающий человек.

Режиссерская, объединяющая всех исполнителей, работа в этом спектакле вообще отмечена большим вкусом, ясностью и цельностью образного замысла. Это сказывается и во впечатляющей монументальности постановки массовых сцен, имеющих в «Аиде» столь важное значение (особенно хороша сцена в храме — обряд посвящения Радамеса в полководцы, с хором жрецов и жриц, решенная в ритуально-мрачном, строго-звучащем ключе, а рядом с нею — торжественное, полное света и простоты победное шествие на площади в Фивах во втором акте), и в стремлении к наибольшей сценической выразительности исполнителей и ансамблей, и в большой заботе о верности эпохе, об историческом колорите спектакля.

Здесь, в создании масштабной картины далеких времен, монументального образа всего спектакля едва ли не главная заслуга принадлежит художнику А. Арефьеву.

Вместе со своими помощниками, молодыми художниками-исполнителями (З. Акфиловым, Г. Васильевым и Я. Храповским) он создал декорации большой красоты, подлинной величественности. Ясно видишь, какой огромный, истинно научный труд по изучению эпохи, ее архитектуры и быта провел художник. Но сделал он это не для музейного, натуралистического воспроизведения, а для превращения зрального в ярко-театральные, образные решения. Как впечатляющее гигантское изваяние бога Ра, с мрачной бесстрастностью как бы давящее, угнетающее все живое у подножия своего! Так воплощается художником идея оперы о бесчеловечности религии.

Арефьев скова, как в «Князе

Игоре» и других работах, но с еще большим мастерством показывает себя умельцем перспективной живописи.

создания на плоскости холста замечательных архитектурных пейзажей. И понятно единодушные благодарные аплодисменты, которыми зрители неанемно встречают поднятие занавеса и в напоянной солнцем и светом второй картине второго акта — сцене победного возвращения Радамеса, и в полном ночной, тревожной красоты (в строгом соответствии с замыслом композитора) третьем акте — на берегу Нила, у храма Изиды. Хороши костюмы — черные с красным Аиды, червонно-золотой победный плащ Радамеса, мертвенно-белые одеяния жрецов и оранжево-полосатые наряды египетских воинов создают красочную, цельную в духе оперы решенную картину. Прекрасна и столь присущая Арефьеву забота о художественной выразительности каждой детали оформления, бутфорки и реквизита. Здесь же нельзя не отметить отличной работы по осуществлению замыслов художника всех цехов и мастерских театра — в «Аиде» их роль особенно велика.

Оформление «Аиды» — новый значительный этап в творчестве А. Арефьева, яркое свидетельство его роста и профессионального совершенствования. В «Аиде» он предстал перед нами, как зрело мыслящий, тонко чувствующий особенности музыки, стиля оперного спектакля, чуткий к замыслам режиссера мастер и талантливый организатор создания «музыки для глаз», как называли в старину театральную живопись.

Можно смело сказать, что все певцы-солисты продались в «Аиде» большую, отмеченную глубокой серьезностью творческую работу. Однако результаты ее неодинаковы. Партия Радамеса — одна из сложнейших теноровых партий в мировом репертуаре, и то, что с ее вокально-техническими трудностями в основном успешно справляется молодой певец И. Леонов (как и О. Мартиросова, он воспитанник Фрунзенского музыкального училища), не может не радовать. Однако ему весьма и весьма не хватает еще сценической выразительности, свободы в передаче многообразия чувств героини.

Как и другой исполнитель (Н. Рузавин — опытный, мастерски владеющий своим сильным голосом певец), И. Леонов в партии Радамеса часто холоден, статичен, скован, героина не сочетается у него с лиризмом и задумчивостью. Если О. Мартиросова исходит из образного содержания музыки, ему подчиняет все внешние, технические средства, то у Н. Рузавина чувствуется порою стремление к самодовлеющей демонстрации вокальной техники. И. Леонову хочется пожелать большего богатства интонаций, красок в пении, преодоления напряженности звучания.

Обладательница большого, сильного голоса. М. Махмутова поет Амиерис с силой и страстью. Однако исполнение ее страдает некоторой одноплановостью. Помимо твердости, властности в характере дочери фараона, артистка должна была бы подчеркнуть мягкость, вкрадчивость, а затем и глубокое душевное страдание, боль своей героини. Партия исполняется де-

ней одинаково ровно, без нюансов, во всю меру ее большого голоса, а хочется большей гибкости, большей певучести.

Большое лиризма и теплоты в голосе другой исполнительницы партии Амиерис — Е. Молчановой. Ее работа богаче красками, голос артистки звучит выразительно, проникновенно, без нажима и форсировки. Ее Амиерис — властная, но страдающая, мятущаяся, вызывающая сочувствие, несчастная в своем ослеплении ревностью женщина. Такая трактовка гораздо ближе к замыслу композитора.

Роль эфиопского даря Амонасро, отца Аиды, В. Королев стремится исполнить возможно более выразительно. Но, думается, в образе Амонасро, страстно поющего о любви и отчизне, должно быть гораздо более внутренней силы, мужественности, величия. Артист же временами сбивается на внешнюю характерность, резок, суетлив. Мало интересен Амонасро у А. Мстиславского.

Значительную работу проделали исполнители важной партии Рамфиса, верховного жреца, олицетворяющего жестокий фанатизм религии. — В. Диденко и А. Кружаев. Однако успехи их лежат главным образом в сфере драматического мастерства; оба артиста хорошо овладели жестом, движением, мимикой. Но ведь главным средством создания образа для оперного артиста является вокал, пение во всем богатстве его оттенков. А вокальная характеристика Рамфиса у обоих исполнителей лишена порою подлинной силы, бедна красками.

Значительных успехов, несмотря на малочисленность для такой оперы, как «Аида», добился хор театра, много потрудившийся для донесения до слушателя мощи и красоты хоров Верди. Со вкусом, чувством меры и стиля эпохи поставлены Э. Мадемидовой танцы.

Обращение к одной из вершин мировой оперной классики явилось для театра большой школой и серьезным испытанием. Можно сказать, что оно в основном выдержано успешно.

Театр наш вступил в пору зрелости. И успех постановки такой оперы, как «Аида», говорит о том, что ему по плечу осуществление главной творческой задачи: создания большого, волнующего оперного спектакля на темы нашей, советской жизни, героической современности.

Этого с горячим нетерпением ждут от театра его друзья — зрители республики.

Л. БОЧАРОВА,
А. САШИН.